

1300
анекдотов

УСЫ # БРОВИ

СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

1300
анекдотов

Москва
2023

УДК 398.23(47+57)
ББК 82.3(2)
У83

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
© Юрий Абрамочкин, Олег Иванов, Руслан Кривобок / РИА Новости;
Архив РИА Новости

У83 **Усы и брови. Советский политический анекдот : 1300 анекдотов из дневников и доносов современников. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Министерство правды).**

ISBN 978-5-04-167761-9

«Как создаются анекдоты? Садятся и сочиняют?» — «Нет, сперва сочиняют, а потом садятся».

Советский период стал золотым веком политического анекдота. За анекдот можно было поплатиться работой, свободой, а иногда и жизнью, но их пересказывали повсюду: дома и на работе, в курилках и в очередях, с глазу на глаз и в больших компаниях. Вопрос «А ты слышал новый анекдот?» стал почти приветствием — любое заметное событие мгновенно вызывало десятки шуток, которые в считанные дни облетали весь Союз.

Книга «Усы и брови» содержит в себе 1300 популярных в советское время анекдотов, найденных в дневниках современников, воспоминаниях, доносах, справках спецслужб. Это собрание может рассказать о советской эпохе не меньше учебника по истории СССР: советские анекдоты куда правдивее советских газет. Сейчас анекдоты уступили место политическим мемам, которые люди пересылают друг другу в мессенджерах. Однако и мемы, и анекдоты работают одинаково — они помогают людям находить общий язык и справляться с давлением государства и идиотизмом повседневной жизни.

УДК 398.23(47+57)
ББК 82.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Первые годы советской власти.....	15
РКП(б) – ВКП(б) – КПСС	28
Путь к коммунизму	38
Ленин.....	46
Троцкий.....	61
Сталин	65
Хрущев.....	85
Брежнев.....	97
Андропов.....	113
Черненко.....	118
Горбачев.....	122
Аппарат государственной безопасности	128
Отношение к советской власти.....	142
Жизнь в СССР	162
Коллективизация и колхозы	209
Индустриализация и производство	218
Свобода слова и выбора	229
Культура, искусство и наука	244

6 *Содержание*

Милиция и армия	258
Евреи	265
Алкоголизм	278
Чернобыль	281
СССР и мир	285
Перечень иллюстраций	314
Список источников	317
Ссылки на источники анекдотов, опубликованных в настоящем издании	326

*Тексты анекдотов
печатаются в современной орфографии.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Что такое уцененный анекдот?» –
«Это анекдот, за который раньше да-
вали десять лет, а теперь только три».*

Впервые я столкнулся с советскими анекдотами, научившись читать. Этот момент пришелся на конец перестройки, когда на территории СССР стало возможно официально публиковать и изучать политический фольклор и новые сборники анекдотов (небольших фольклорных текстов с неожиданным концом) стали появляться как грибы после дождя. Помню, как выпрашивал у родителей купить мне такую брошюру в киоске «Союзпечати». Две моих бабушки до конца своих жизней вырезали для меня разделы с анекдотами из газет и в каждый приезд дарили плотно набитые вырезками пакеты из-под молока. Мой дедушка-библиофил, всю жизнь собиравший макулатуру, откладывал для меня найденные номера журнала «Крокодил», а на дни рождения дарил альбомы Кукрыниксов, Ефремова и Херлуфа Бидструпа. Благодаря этому, хотя я и застал только отголоски «живой» советской фольклорной традиции, модели советского юмора – и неподконтрольного государству, и порождаемые вполне сервильными публицистами и карикатуристами – были усвоены мною очень хорошо. Поэтому, когда во время учебы на историческом факультете мне надо было выбирать тему дипломной работы, я решил за-

няться тем, что я любил и, как мне казалось, хорошо знал. В итоге моя работа затянулась на 10 лет. Сначала курсовая, после диплом, затем я замахнулся на диссертацию про советские анекдоты, после защиты которой взялся подготовить сделанный по принципам научной публикации указатель сюжетов. За это время я очень сильно изменил свои представления о фольклорном жанре анекдота. Оказалось, что я хорошо ориентируюсь только в позднесоветской традиции, основанной на понятных двум-трем поколениям штампах. Из перестроечных сборников анекдоты, которые рассказывались в двадцатые и тридцатые годы, часто оказывались вытеснены поздним материалом, более понятным, хорошо соотносящимся с советским кино и массовой культурой. То, что в позднесоветском анекдоте фигурируют те же герои, что с обывательской точки зрения могли бы фигурировать и в довоенном, зацементировали подобное представление. Лицами советского анекдота для современного человека стали Чапаев, Штирлиц и Ленин. Очень характерна судьба последнего героя – естественно, анекдоты про него появились еще при его жизни, но они полностью были вытеснены «новым» Лениным, образ которого восходил к кинематографическим штампам: с конца шестидесятых годов из текста в текст начинает бегать, периодически забираясь на броневик, картавый бородач в кепке, совершенно не похожий на Ленина из довоенных сюжетов.

Между тем золотой век советского политического анекдота приходится на 1920-е годы, когда он становится основным жанром городского фольклора. Анекдот короток и мобилен, его воспроизведение не требует много времени, а значит, он легко вписывался в ускоренный ритм городской жизни. Стать фольклорным, жить, передаваясь из уст в уста, текст может, только если он одинаково понятен большому числу потенциальных носителей традиции.

Советская власть позаботилась о политизации всех сфер общественной жизни, дав тем самым большинству городского населения необходимые для понимания анекдотов знания. Когда исчезла возможность свободного обсуждения повестки дня в прессе, анекдот стал одним из важных каналов обсуждения политики, давая возможность с помощью смеха справляться с давлением государства. «Политическим» он стал еще и в силу мнительности советской власти: любая насмешка над чем-нибудь, происходившим на советской земле, в советских водах и воздухе, трактовалась как акт политический, даже если ты шутишь про качество еды в столовых.

Анекдоты рассказывали на всех уровнях советского общества. Первые годы советского проекта на это смотрели сквозь пальцы. В период нэпа издавались сборники, про политический анекдот писали в Большой советской энциклопедии и советской прессе, у современников было ощущение, что заработала большая фабрика по производству анекдотов нового типа. Со второй половины двадцатых годов власти начали рассматривать рассказывание анекдотов как одну из форм политической агитации. Во второй половине тридцатых, если судить по судебным делам, за анекдотчиков взялись всерьез. Наказание за антисоветскую агитацию (АСА) и контрреволюционную агитацию (КРА) согласно десятому пункту 58-й статьи Уголовного кодекса не имело верхнего предела. Несмотря на это, развитие жанра не удалось остановить. Анекдоты стали меньше фиксироваться: ими перестали заниматься исследователи, их меньше записывали в личные дневники, но зато больше стало записей анекдотов в доносах-«характеристиках» и сводках о настроениях населения.

Во время войны власти несколько ослабили удила — анекдот на несколько лет сумел вернуться в советскую прессу. Сюжеты, привычные советским людям (всего-то:

Сталина поменять на Гитлера), стали публиковаться в сатирических разделах газет и журналов. После войны пришел новый этап развития жанра: началась инфильтрация анекдотических традиций стран социализма. Проще говоря — часть сюжетов была переведена и получила хождение на языках стран народной демократии, а корпус советских анекдотов пополнился сюжетами восточно-германской, польской, болгарской и других традиций. Смерть Сталина и изменение законодательства способствовали дальнейшему развитию жанра: периоды оттепели, застоя и перестройки дали многие и многие сотни новых сюжетов.

Дешевые брошюры, по которым я знакомился с советским политическим фольклором, в большинстве своем оказались перепечатками нескольких доступных эмигрантских сборников. Были издания, составители которых не слизывали анекдоты из эмигрантских сборников, а пытались создавать что-то новое, но они сыграли неоднозначную роль в истории советского анекдота. Фольклорный текст вариативен, каждое его исполнение дает рассказчику возможность импровизировать. Это же дает составителю сборника анекдотов власть над материалом и право считать себя экспертом-анекдотчиком: как хочу, так и запишу любой сюжет. Это способствовало тому, что исследователи-фольклористы называют «загаживанием» традиции: составители таких сборников часто опирались на ложные воспоминания и собственные, часто довольно нелепые, представления о советской истории.

Чтобы разобраться с тем, какие анекдоты действительно рассказывали в советское время, я начал работу над базой их записей, в которую включал тексты очень разных источников. Основным материалом для меня стали многочисленные сборники советских анекдотов, которые с начала двадцатых годов стали выходить в русском зарубежье. Каждая волна эмиграции давала свои публикации,

которые я сопоставлял между собой и с записями анекдотов из источников советского происхождения — дневниками, мемуарами, доносами и сводками о настроениях населения. Для некоторых анекдотов я оставил контекст — размышления и комментарии человека, зафиксировавшего или опубликовавшего текст. Часть из этих текстов была переведена с украинского, английского и иврита. Перед шифром в квадратных скобках, отсылающим к списку использованной литературы, я оставлял точную (по времени записи) или предположительную (по утверждению записавшего человека) датировку анекдота (предположительная начинается со звездочки). Также я сохранял ссылки на источники текстов, чтобы недоверчивый читатель мог меня проконтролировать. Закончив работу над этой базой записей, я решил издать ее книгой. Я сократил базу в два раза, разделил найденные тексты на довольно условные тематические группы, снабдил необходимыми комментариями, предисловием и указателями, и передал книгу в издательство «Новое литературное обозрение»*. Получившееся издание сравнительно быстро разошлось, став самой крупной публикацией советских анекдотов. Я, посчитав свое дело выполненным, решил отдохнуть от этого жанра и полностью переключился на другие исследовательские темы.

У меня не было ощущения большой актуальности получившейся книги. Анекдот, как и многие классические фольклорные жанры, сейчас уступает место менее затратным формам передачи смыслов. Послать картинку с текстом или небольшое видео проще, чем рассказывать анекдот. Сочетание устаревающей формы и не всегда близкого и понятного читателям советского опыта превращало

* Мельниченко М. Советский анекдот. Указатель сюжетов. М.: НЛО, 2014.

чтение этой книги в развлекательное ретропутешествие. Ценность ее в тот момент казалась скорее академической — она давала возможность коллегам-исследователям ссылаться на необходимые им тексты.

В марте этого года раздался звонок редактора издательства АСТ Александра Серова, который предложил мне сделать новый большой сборник, ориентированный на широкого читателя, а значит, лишенный вступительной статьи с критикой источников и большей части научно-справочного аппарата, необходимого для академических изданий. Я сначала скептически отнесся к этой идее. Взяв пару недель на размышление, я принялся перечитывать свои старые наработки и в какой-то момент понял, что за эту работу надо обязательно браться. Впечатление от старых и прекрасно знакомых анекдотов вдруг оказалось совершенно другим, и мне показалось, что запрос на подобную книгу сейчас может быть гораздо больше, чем в момент публикации моего указателя. Изменились отношения между странами, между людьми и властью, изменилось информационное поле, уменьшились возможности для коммуникации на политические темы. Советские политические анекдоты содержат в себе концентрированный опыт жизни в подобных условиях. Жителям стран социалистического лагеря они помогали находить общий язык и справляться с проживанием травмирующего опыта несвободы. Уверен, что современному читателю знакомство с этим пластом советской культуры может оказаться небесполезным.

Михаил Мельниченко

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1919 год. Стук в дверь крестьянской избы. Хозяин открывает двери — в избу врываются вооруженные люди и, приставив дуло к его груди, спрашивают: «Ты за кого: за красных или за белых?» — «За красных». — «Ах ты, сволочь!» Крестьянина избивают до полусмерти, забирают все, что есть хорошего в избе, и уходят. Проходит немного времени. Вновь стук в дверь той же избы. Крестьянин открывает — снова в избу врываются вооруженные люди и спрашивают: «Ты за кого: за красных или за белых?» — «За белых». — «Ах ты, сволочь!» Крестьянина вновь избивают чуть ли не до смерти, забирают из избы остатки барахла и уходят. Проходит еще немного времени, и вновь к крестьянину врываются вооруженные люди с вопросом: «Ты за кого: за красных или за белых?» Крестьянин заплакал и воскликнул: «Бейте сразу, все равно не угадаю!»¹

Ночью стоит поезд. Выходит из вагона человек и спрашивает: «Почему стоим?» Ему отвечают: «Паровоз меняем». — «На что меняете?» (1922)*²

Крестьянин везет воз с овсом. В это время его встречает заградительный отряд. «Стой! Чего везешь?» Крестьянин ше-

* Даты в скобках — это время возникновения или популярности сюжета.